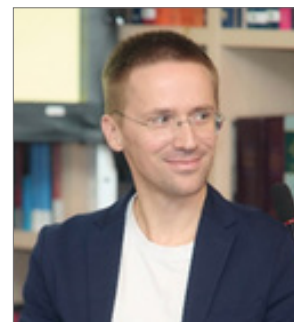

Теория производной правосубъектности и консультативное заключение Международного Суда о статусе Организации Объединенных Наций 1949 г.

Аннотация. Современная международно-правовая доктрина и практика остаются субъектоцентричными: ответ на вопрос о круге субъектов международного права по-прежнему объясняет, что есть международное право и кому оно доступно. Другая константа системы — ее государственноцентричность, когда суверенные государства сохраняют привилегированное положение, будучи творцами и главными применителями права. Наметившийся еще в начале XX в. отход от чистого этатизма не изменил радикально ситуацию: пришедшая на смену ему теория производной субъектности (теория признания) не только, как и прежде, отводила государству монопольное положение в международно-правовой системе, но и в некотором смысле усилила его положения, признав за ним социальную необходимость и создателя любых новых субъектов международного права. Несмотря на появление альтернативных подходов к субъектности, концепция признания оказалась удобным ходом для сторонников исключительного международно-правового статуса государств, преобладающим и сегодня. Полагаясь на инструментарий критической генеалогии и разбор консультативного заключения Международного Суда по делу о возмещении ущерба, понесенного на службе в ООН, 1949 г., автор обозначил общеисторические и философские истоки теории производной субъектности, ее содержание как, с одной стороны, ревизионистского, а с другой — реакционного и реабилитирующего подхода в контексте социологического обновления права. В итоге в свете критики аналитической юриспруденции и ее фокуса на механику правового регулирования обоснована тавтологичность субъектности, определяемой через юридические права и обязанности.

Ключевые слова: субъектность в международном праве, субъект международного права, международные организации, Организация Объединенных Наций, теории международной правосубъектности

Максим Александрович ЛИХАЧЕВ,
доцент кафедры
международного права
Уральского
государственного
юридического
университета имени
В. Ф. Яковлева,
кандидат юридических
наук, доцент
m.a.likhachev@gmail.com
620049, Россия,
г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.136.12.089-103

Maksim A. LIKHACHEV,

Associate professor of the Department of International Law
of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
Cand. Sci. (Law)

m.a.likhachev@gmail.com

21, ul. Komsomolskaya, Yekaterinburg, Russia, 620049

The Theory of Derivative Legal Personality and the Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Status of the United Nations of 1949

Abstract. *Contemporary doctrine and practice of international law remain subject-centred: the answer to the question of the subjects of international law still serves as an explanation of what international law is and to whom it is accessible. Another constant of the system is its state-centrism, whereby sovereign States retain a privileged position as the creators and primary appliers of law. The departure from pure statism during the beginning of the twentieth century, nevertheless did not bring about any radical change. The derivative personality theory (the so-called recognition theory), which replaced the statism, not only maintained the monopoly of the State within the international legal system but, in a certain sense, reinforced it by recognising the State as a social necessity and as the exclusive creator of any new subjects of international law (international legal persons). Despite the alternative approaches to personality, the recognition theory proved to be a convenient tool for proponents of the exclusiveness of States under international law and prevails today.*

Relying on the methodology of critical genealogy and on a case-study of the 1949 Advisory Opinion of the International Court of Justice on Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations, the historical and philosophical origins of the derivative personality theory are traced. The theory is shown to represent, on the one hand, a revisionist and, on the other, a reactionary and restorative approach in the broader context of the sociological renewal of law. Ultimately, in light of the critique of analytical jurisprudence and its focus on the mechanics of legal regulation, the tautological nature of personality — defined through legal rights and obligations — is demonstrated.

Keywords: *legal personality in international law, subject of international law, international organizations, United Nations, theories of international legal personality*

1. Введение

Дискурс субъектности в международно-правовой мысли, как и международно-правовой дискурс в общем, в своем возникновении и эволюции не предначертаны и не необходимы¹: интеллектуальное развитие могло бы пойти по иному пути, который привел бы нас к чему-то отличному от международно-правового позитивизма рубежа XIX—XX вв. в его консенсуалистской (волютаристской) интерпретации, замкнутой на суверенном государстве².

Теория субъектности, вокруг которой выстроено актуальное понимание международного права, могла быть иной, чем та, с которой мы имеем дело сегодня, или же могла совсем не быть. Древнеримская юридическая традиция не знала абстракций и когнитивной отвлеченности уровня Нового времени³ и успешно обходилась без средневековой (христианской) конструкции индивидуальности⁴, правопорядок Средневековья отличался своеобразной устойчивостью и динамичностью и без иерархизированности рационалистической структуры, выстроенной вокруг суверена⁵, а этатистские представления раннего Нового времени какое-то время соседствовали с преобладающей юснатуралистской правовой рамкой⁶. В этатизме, волютаризме и в конце концов юспозитивизме нет ничего объективно-неизбежного, раз и навсегда установленного и безальтернативного, и уж тем более ни одна из этих идей не стала венцом интеллектуального прогресса юридической мысли.

¹ Вслед за французским философом Мишелем Фуко под дискурсом традиционно стали понимать «отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных, не только вербальных, практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но и его проектирующий и сотворяющий. Иначе говоря, понятие “дискурс” включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретирования окружающего мира и вытекающие из именно такого видения действия людей и институциональные формы организации общества» (Дмитриев М. «Русский народ» или «люди Божии»? Об особенностях протонациональных дискурсов в культуре Московской Руси) // *Polystoria*. Бог, Рим, народ в средневековой Европе / отв. ред. М. Бойцов, О. Воскобойников. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. С. 256. См. также: Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М. : Касталь, 1996. С. 5—57, 59—60.

² *Grewe W. G. The Epochs of International Law / Transl. and rev. by M. Byers. Berlin ; New York : de Gruyter, 2000. P. 505—506.*

³ *Kurki V. A. J. Why Things Can Hold Rights: Reconceptualizing the Legal Person // Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn / ed. by A. Kurki, T. Pietrzykowski. Cham : Springer, 2017. P. 71.*

⁴ *Siedentop L. Inventing the Individual. The Origins of Western Liberalism. Cambridge ; Massachusetts : The Belknap Press of Harvard University Press, 2014. P. 59, 62, 85, 102—105.*

⁵ *Palombella G. «Formats» of Law and Their Intertwining // The Challenge of Interlegality / ed. by J. Klabbers, G. Palombella. Oxford : Oxford University Press, 2019. P. 30—33.*

⁶ *Koskenniemi M. To the Uttermost Parts of the Earth: Legal Imagination and International Power, 1300—1870. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. P. 118—137, 230—234.*

Все же интеллектуальная история сложилась известным образом: «Международное право регулирует *отношения между независимыми государствами*. Нормы права, обязательные для государств, возникают из их *собственной свободной воли* и содержатся в конвенциях и обычкновениях, всеобщие *признанных* в качестве выражающих принципы права и установленных для регулирования отношений между этими сосуществующими независимыми сообществами или для достижения общих целей»⁷. И несмотря на то, что этой формуле Лотоса уже почти сто лет, *mutatis mutandis* она остается исходной точкой дискуссии о природе международного права и уверенно преобладает в его применении.

Обобщение актуальной международно-правовой литературы по проблеме и наблюдение за паттернами текущей международно-правовой практики позволяют обрисовать своеобразное «классическое» представление о «международной правосубъектности», отражающее условный академический и практический консенсус. Речь идет о таком понимании субъектности и соответствующих ему политико-правовых практиках, которые утвердились в первые десятилетия XX в., уверенно преобладали в предвоенные и первые послевоенные десятилетия и, несмотря на нарастающую в течение всей второй половины XX в. академическую критику, сохраняют прочные и в некоторых областях (особенно в дипломатии) безраздельные позиции сегодня⁸.

Таким классическим подходом для международного права остается этатизм, предполагающий построение системы вокруг государства и его суверенитета. Этатистская теория международной правосубъектности — продукт планомерного развития международно-правовой мысли в конце XVIII — XIX в.⁹ Ее становление во второй половине XIX в. исторически связано с утверждением в качестве господствующей методологии правового позитивизма, проникновением этой теории в международно-правовой дискурс и эволюцией германской и итальянской правовых школ.

Однако в чистом виде этатизм невозможен сегодня и радикально противоречит многообразию, в том числе субъектному, текущей правовой реальности; однако теория по-прежнему ценна, помимо прочего, той критикой, которую она породила. Результатом формулирования альтернатив стерильному международно-правовому этатизму стали два крупных интеллектуальных течения, не без успеха попытавшихся сформулировать ответ сторонникам государственности,

⁷ PCIJ. The Case of the S.S. «Lotus» (France v. Turkey). Judgment of 7 September 1927. § III.

⁸ См.: *Nijman J. E.* The Concept of International Legal Personality: an Inquiry into the History and Theory of International Law. The Hague : TMC — Asser Press, 2004. P. 347–365 ; *Parlett K.* The Individual in the International Legal System: Continuity and Change in International Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. P. 25–29 ; *Peters A.* Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. P. 21–25 ; *Portmann R.* Legal Personality in International Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 1–19, 245–277.

⁹ Вехой в становлении международного права как права, предназначенного для государств, стало учение швейцарца Эмера де Ваттеля. См.: *Vattel E. de.* Le Droit des Gens, ou Principes de la Loi Naturelle, appliqués à la Conduite aux Affaires des Nations et des Souverains / ed. by J. B. Scott. Washington : The Carnegie Institute of Washington, 1916. P. 1.

исключительно исчерпывающей субъектность в международном праве, в предвоенные и межвоенные десятилетия XX в. — теория производной правосубъектности (теория признания) и ревизионистский индивидуализм¹⁰.

Оба течения, несмотря на местами принципиальные расхождения в представлениях о круге международно-правовых субъектов и основаниях субъектности, имеют общие социально-исторические и культурно-правовые основания, формировались параллельно друг другу и в идеологической конкуренции в период *Interbellum*, получили широкое распространение в послевоенное время и сохраняют актуальность сегодня¹¹.

Настоящее исследование основано на применении инструментария кейс-стади (анализ консультативного заключения Международного Суда по вопросу о субъектности ООН), а также метода критической генеалогии. Последний восходит к аналитическому приему, предложенному философом Фридрихом Ницше: «Причина возникновения какой-либо вещи и ее конечная полезность... расходятся между собой; нечто наличествующее, каким-то образом осуществившееся, все снова и снова истолковывается некой превосходящей его силой сообразно новым намерениям, заново конфискуется, переустраивается и переналаживается для нового употребления...»¹².

Критическая генеалогия подрывает классический модернистский смыслоцентризм и догму линейности исторического процесса, предполагающих объективные естественные сущности (ту же субъектность), разворачивающиеся во времени и доступные рациональному познанию. Ставится под сомнение стабильность обращенности международного права к прошлому и необходимость отражения

¹⁰ Исследовательница из Нидерландов Янне Нейман писала о конкуренции двух течений международно-правовой мысли в период *Interbellum*: тех, кто настаивал на верховенстве государства в системе международного права, и тех, кто видел в абсолютизации государства и сакрализации суверенитета угрозу человеку и его свободе. Последние как раз и названы «ревизионистами», поскольку предлагали пересмотреть распространившиеся в XIX в. представления о государстве и его субъектности. См.: *Nijman J. E.* Op. cit. P. 87—91. В числе основоположников подхода — Гуго Краббе, Джеймс Брайерли, Алехандро Альварес, Жан Спиропулос, Николас Политис.

¹¹ Из современных сторонников теории производной субъектности см., например: *Daillier P., Pellet A.* Droit International. 5th ed. Paris : Librairie Générale de Droit et de Jurisprudence, 1994. P. 395, 551 ; *Kolb R.* Une observation sur la détermination de la subjectivité internationale // *Zeitschrift für öffentliches Recht.* 1997. No. 52. P. 115—125 ; *Brownlie I.* Principles of Public International Law. 6th edition. Oxford : Oxford University Press, 2003. P. 57—67.

Доктрина получила широкое признание в советской науке международного права и господствует в работах российских юристов-международников. См., например: Курс международного права : в 7 т. Т. 1 : Понятие, предмет и система международного права. М. : Наука, 1989. С. 179—181.

Из представителей ревизионистского индивидуализма см.: *Nijman J. E.* Op. cit. ; *Portmann R.* Op. cit.

¹² *Ницше Ф.* К генеалогии морали // Сочинения : в 2 т. / под ред. К. Свасьяна. М. : Мысль, 1990. Т. 2. С. 455. См. также: *Волков В.* Государства, или Цена порядка. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 8—15.

им предшествующего опыта, ограничивающие проактивный потенциал международного права. Критика такой *фабрикации истоков* и ограниченности *воображаемым* прошлым опирается на идею *конструкции субъектности* в международном праве — если теория международно-правового субъекта где-то когда-то кем-то для чего-то и для кого-то была изобретена, то мало что мешает ее переизобрести и даже отвергнуть за ненадобностью.

Настоящая статья состоит из 6 частей (включая введение и заключение). Вслед за введением, где изложены основания и существо преобладающего в международно-правовой доктрине этатизма, описан контекст (общеисторические и общеправовые условия), в котором юристами-международниками предвоенных и межвоенных десятилетий XX столетия сформулирована теория производной субъектности как альтернатива радикальному этатизму. В третьей части «Базовые тезисы теории производной субъектности» статьи описаны основные положения этой теории. В четвертой части статьи представлен анализ позиции Международного Суда по упомянутому делу как иллюстрация применения логики производной субъектности. Пятая часть «Субъектоцентризм, центризм прав и обязанностей и тавтологичность субъектности в международном праве» содержит обоснование тавтологичности международной правосубъектности, понимаемой через ссылку на юридические права и обязанности.

2. Контекст формирования предпосылок к теории производной субъектности

Теория признания сформулирована под воздействием двух факторов: роста популярности социологических методов в праве¹³, вызванного радикальными трансформациями в обществе на рубеже XIX и XX вв., а также появления ревизионистских подходов к международному праву, поставивших под сомнение верховенство государства и напирających на защиту отдельного человека. В этом смысле теория производной субъектности (признания) реакционна: на фоне критики догматичного этатизма и правового позитивизма ее сторонники пытались реабилитировать собственные представления о ценности и первичности государства в международно-правовой сфере.

В то время в политико-правовых науках сформировался запрос на демистификацию государства и десакрализацию суверенитета¹⁴. Золотой век государства сменился кризисом национальной государственности в первые десятилетия XX в.¹⁵ Удар по классической конструкции государства-нации пришел от перерождающегося национализма. С одной стороны, после 1919 г. миф национализма явил себя с новой силой: распад Австро-Венгерской и Российской империй способствовал появлению и стремительному распространению националистических учений. Конструкция «национального меньшинства» как группы населения,

¹³ Portmann R. Op. cit. P. 93—99.

¹⁴ Nijman J. E. Op. cit. P. 115—131.

¹⁵ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелевой, А. Д. Колавевой, Ю. Б. Мишкене, Л. А. Седова. М. : ЦентрКом, 1996. С. 189, 192, 202.

оказавшейся чужой на собственной земле в результате послевоенных территориальных манипуляций, получила нормативное закрепление в договорах об их защите, заключенных после Первой мировой войны, с участием Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии и Греции.

С другой стороны, такой национализм, переродившийся из интеллектуального течения в общественное движение, как ни парадоксально, стал угрозой национальной государственности XIX в., построенной на представлениях о *политической* связи каждого с его государством. Изобличая «тайный конфликт» национализма и государственности, Х. Арендт проводит между ними различие: национализм отождествляет идею гражданина с национальной принадлежностью, а не связанностью с абстракцией, построенной вокруг мифа общественного договора, где каждый равен друг другу как индивид, своей волей конструирующий Левиафана; национальная принадлежность — «интимное частное качество», а не «дело общего значения», объединяющее каждого, присягнувшего на верность — подданного (англ.: *subject*)¹⁶.

Другой вызов национальной государственности связан с тем, что после Первой мировой войны на волне роста общественной активности *социальных масс* разрушается прежде конститутивный (для модели государства XIX в.) дуализм общества и государства¹⁷. На фоне стремительной индустриализации, роста городского населения, взрыва активности рабочего класса государство стало «объединяющим принципом общества» или — как говорили в то время — «народом» и превратилось в поставщика услуг и привилегий, гаранта благополучия: *государство-нация* трансформируется в *государство-общество*¹⁸.

Более того, государство оказывается не единственно возможной формой общественной организации: солидарность рабочего движения сулит наднациональную общность пролетариев, социальные массы, народ, толпа обретают субъектность и собственный голос (общественное, или публичное, мнение) в первую очередь внутри страны, а снаружи — международные организации. В *Interbellum* на международно-правовую сцену выходят прежде неизвестные феномены — международные организации и национальные меньшинства.

3. Базовые тезисы теории производной субъектности

Янне Нейман это направление называет восстановительным, реакционным (англ.: *restorative*)¹⁹. Мартти Коскенниemi, Дункан Кеннеди и Натаньель Берман использовали другое обозначение — реконструкция²⁰. Однако все характеристики

¹⁶ См. Арендт Х. Указ. соч. С. 317—318.

¹⁷ Grewe W. G. Op. cit. P. 589.

¹⁸ Grewe W. G. Op. cit. P. 589—590.

¹⁹ Nijman J. E. Op. cit. P. 87.

²⁰ Berman N. Modernism, nationalism, and the rhetoric of reconstruction // Yale Journal of Law & the Humanities. 1992. Vol. 4, Is. 2. P. 351—380 ; Kennedy D. International Law and the Nineteenth Century: History of an Illusion // Nordic Journal of International Law. 1996. No. 65. P. 385—420 ; Koskenniemi M. From Apology to Utopia: the Structure of International Legal

метко обозначают главную идею теории признания — восстановить скомпрометированную в международном праве государственность и сохранить за государством решающее положение в системе.

Базовый тезис — реинтерпретация (международно-)правовой исключительности государства: теперь оно — *классический, ординарный* субъект международного права, способный своим решением создавать новые международно-правовые субъекты. Последние — те самые *другие* в международном праве²¹, существование которых не только не колеблет монополю государственности, но оттеняет фундаментальность и превосходство ее идентичности.

Другие субъекты в международном праве: во-первых, *производны* в своей субъектности от государственности и суверенности; во-вторых, *ограничены* в своей правоспособности²², дабы не посягать на «универсальную» (читай: неограниченную) правосубъектность государства; в-третьих, *функциональны* в том смысле, что созданы по воле государств для решения конкретных задач, чаще всего связанных с межгосударственным сотрудничеством, — таким *другим* отказано даже в *праве быть* ради самих себя.

Такая произвольность и функциональность (второстепенность) международно-правовой субъектности предполагала даже ее некоторую рудиментарность, незавершенность: поскольку эта субъектность волюнтаристски дарована государствами, то она может быть ими произвольно изменена или вовсе отнята или же расщеплена решениями суверенов, когда лицо могло быть субъектом права для одних государств и не быть таковым для других: «...ошибочно выводить из этого положения вещей, что только суверенные государства могут быть субъектами международного права. Этот вопрос находится в пределах усмотрения каждого из существующих субъектов международного права. Государства — члены международной организации *могут договориться* рассматривать такую организацию как субъекта международного права *для ограниченных целей*»²³.

Argument. Reissue with a new Epilogue. Cambridge : Cambridge University Press. 2005. P. 132.

²¹ Концепция другого осмыслена в постмодернистской философии и в критических теориях и предполагает производность и зависимость идентичности всякой сущности, отличной от субъекта, от этого самого субъекта — главного (и зачастую) единственного актора. См., например: *Батлер Д.* Гендерное беспокойство. Подрыв идентичности / пер. с англ. К. Саркисова. М. : V–A–C Press, 2022. С. 57—59, 64, 111.

Про международно-правовую интерпретацию конструкции см.: Orford A. A jurisprudence of the limit // *International Law and Its Others*. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 1—32.

²² *Cavaglieri A.* Règles Générales du Droit de la Paix // *Recueil des Cours de l'Académie de Droit International*. 1929. Vol. 26. P. 319—320.

²³ *Schwarzenberger G.* A Manual of International Law. London : Stevens & Sons, 1947. P. 25, 27, 35.

О всевластии государства в отношении производного правового статуса индивида см.: *Черниченко С. В.* Допуск индивида в международные суды и международная правосубъектность // *Советский ежегодник международного права*. 1968. М. : Наука, 1969. С. 273—274.

Государство наделено полной свободой усмотрения в конструировании субъектов международного права — налицо классическая *позитивистская петля натурализации*, когда произвольное натурализуется, объявляется естественным под маской признания того, что якобы сложилось объективно, волюнтаристское выдается за необходимо-разумное.

Несмотря на то что рассматриваемые подходы были реакцией этактистски ориентированных исследователей сформулировать ответ на запрос в демистификации государства и освобождения международного права от безраздельного засилья этатизма, в конце концов их теории открывали возможности для усиления «интеллектуальных» позиций государственности: до этого государства рассматривались в качестве создателей международного права (формула Лотоса), теперь же их конституирующие полномочия распространены и на область его субъектов, подчиненных задачам межгосударственного сотрудничества. В результате государства из исключительной превращались в высшую инстанцию и по-прежнему единственную власть *per se* в международном праве²⁴.

4. Консультативное заключение Международного Суда 1949 г. и теория производной субъектности в международном праве

Решающими для отнесения позиции Международного Суда по делу о возмещении ущерба, понесенного на службе в ООН, 1949 г. к самому знаковому примеру применения теории производной субъектности оказались следующие элементы судебной аргументации: 1) допущение, без презумпций обратного, в круг субъектов международного права иных лиц, кроме государств; 2) характеристика государства в качестве основного и решающего международно-правового субъекта; 3) характеристика иного, признанного государствами субъекта в качестве подчиненного государствам, производного от их интереса²⁵.

Международный Суд связал способность предъявлять международные требования со статусом лица в качестве субъекта международного права (англ. *subject of international law*): «Предоставил ли Устав такое положение Организации, в соответствии с которым она обладает правами и уполномочена требовать их соблюдения? Иными словами, обладает ли Организация *международной правосубъектностью* [*international personality*]?»²⁶ (здесь и далее при цитировании заключения курсив мой. — М. Л.)

Далее Суд сформулировал принципиальные положения, раскрывающие природу и динамику международной правосубъектности: «Субъекты международного права *необязательно одинаковы* по их природе и объему их прав, и их природа *зависит от потребностей международного сообщества*. В течение своей истории развитие международного права было продиктовано *требованиями*

²⁴ Strupp K. Grundzüge des positiven Völkerrechts. Bonn : Ludwig Röhrscheid, 1928. S. 2 ; Cavaglieri A. Op. cit. P. 321—322 ; Schwarzenberger G. Op. cit. P. 25.

²⁵ ICJ. Reparations for Injuries Suffered in the Services of the United Nations. Advisory Opinion of 11 April 1949.

²⁶ ICJ. Reparations for Injuries Suffered in the Services of the United Nations. P. 7—8.

международной жизни, [породившей] примеры действий на международной арене иных образований, кроме государств»²⁷. Невозможно переоценить фундаментальность в этом случае *dictum* Суда: здесь международная правосубъектность, во-первых, характеризует совершенно различных лиц, даже не стремящихся к сходству и тем более единству в правах и обязанностях; во-вторых, обусловлена требованиями реальной жизни и общественной практики; в-третьих, исторически динамична и изменчива.

Само содержание международной правосубъектности (англ. *an international person*) Суд связал со способностью лица действовать на международной арене (англ. *capacity to operate upon an international plane*)²⁸. Последнее обусловлено способностью обладать международными правами и обязанностями (англ. *possessing international rights and duties*) и способностью отстаивать свои права путем предъявления международных требований (англ. *capacity to maintain its rights by bringing international claims*)²⁹.

Отвечая на второй вопрос о том, имела ли право ООН в конкретных обстоятельствах дела предъявлять требование ответственному государству, Международный Суд обозначил еще одну грань правосубъектности организации — ее функциональность. Это дополнительный аргумент в пользу важности оценки правосубъектности лица в контексте тех самых «требований международной жизни», формулируемых, скорее всего, государствами как творцами международного права. Международный Суд отметил, что «в то время как государства обладают всем объемом международных прав и обязанностей, признаваемых международным правом, права и обязанности такого образования, как Организация [Объединенных Наций], зависят от ее целей и функции, сформулированных или же вытекающих иным образом из ее учредительных документов и развитых в практике»³⁰.

И хотя функциональность в формулировке Суда замыкается на правовом статусе международной организации, *dictum* может быть генерализован до суждения об ограниченности правоспособности отдельных субъектов права и даже об их исключительном участии в международных отношениях *sui generis*. И в трактовке Суда это не препятствует признанию правосубъектности таких специфических лиц, несомненно, отличающихся от государства.

Налицо приметы описанной теории признания: государства своим решением определяют круг субъектов международного права; последние участвуют в тех отношениях и выполняют те функции, которые определены государственными волями; признание организации субъектом международного права не ставит ее на один уровень с государством и не посягает на его исключительное международно-правовое положение в качестве суверена.

²⁷ ICJ. Reparations for Injuries Suffered in the Services of the United Nations.

²⁸ ICJ. Reparations for Injuries Suffered in the Services of the United Nations. P. 9.

²⁹ ICJ. Reparations for Injuries Suffered in the Services of the United Nations.

³⁰ ICJ. Reparations for Injuries Suffered in the Services of the United Nations. P. 10.

5. Субъектоцентризм, центризм прав и обязанностей и тавтологичность субъектности в международном праве

Подход, при котором статус лица определяется его субъектностью либо ее отсутствием, *субъектоцентричен*. Субъектоцентричность международно-правового позитивизма проложила путь *аналитической* исследовательской традиции, построенной вокруг жесткого детерминизма, естественно-точной рациональности и убеждения, что социальное подчинено непреложным законам, наподобие законов классической механики³¹.

Это состояние и качество позитивистских практик объясняет К. В. Арановский: «Вместо собственных решений по праву и по закону люди поручают право *механике правового регулирования*, еще каким-нибудь *механизмам* заодно, разумеется, с их «*конструкторами*», «*инженерами*» и «*машинистами*» — властвующими людьми. Им и положено за все отвечать, управлять и присматривать, чтобы все шло *хорошо*, а *регулирующая механика по-хозяйски разместились бы в праве*, над правом и даже заместила его собою там... В позапрошлом веке примерно так уже было, когда юридический позитивизм все заново представил в праве, и оно отделилось не только от естественных законов, от природы человека, но даже от человеческих отношений и встало над ними как распорядительное начертание и в деяниях власти»³² (курсив мой. — М. Л.).

Отсюда — «права и обязанности» как главный компонент этой механики, запускающей «машину» международной правосубъектности. Так, объем прав и обязанностей лица — не только условие его субъектности, но призвано отразить степень его вовлеченности в международные *правоотношения*, где ему отведена роль полноценного или второстепенного *субъекта* или же подчиненного «объекта правоотношения»³³.

Тем не менее ссылка на права и обязанности как на фактор международной правосубъектности не оправдала себя. Введенная в научный оборот недавно по историческим меркам, на рубеже XIX—XX вв., германскими пандектистами увязка субъекта объективного права с принадлежащими ему субъективными правами и обязанностями заключила логику доказывания правосубъектности в порочный круг³⁴. Носитель правосубъектности — тот, кто обладает соответствующими правами и несет обязанности; в то же время эмпирически доступными проявлениями такой субъектности и ее следствиями заявляются те же самые

³¹ Патриарх аналитической юриспруденции — Джозеф Раз (1939—2022), развивший ее традицию, сложившуюся в трудах Дж. Остина и Г. Харта. См.: Раз Дж. Авторитет права. Эссе о праве и морали / пер. с англ. И. Дягилевой. М. : Издательство Института Гайдара, 2021.

³² Арановский К. В., Князев С. Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. М. : Норма, 2016. С. 187.

³³ См.: Parlett K. Op. cit. P. 29—38 ; Peters A. Op. cit. P. 35—59 ; Portmann R. Op. cit. P. 29—42.

³⁴ Puchta G. F. Outlines of Jurisprudence as the Science of Right // Outlines of the Science of Jurisprudence: An Introduction to the Systematic Study of Law / ed. by W. Hastie. Edinburgh : T. & T. Clark, 1887. P. 100 ; Savigny F. K. von. Traité de droit romain / tr. Par M. Ch. Guenoux. Tom I. Paris : F. Didot Frères, 1840. P. 1.

права и обязанности. Права и обязанности тавтологичны самим себе, как и субъектность оказывается самотавтологичной. Иллюстрацией такого подхода как раз и служит упомянутое консультативное заключение: вопрос, сформулированный перед Судом в запросе Генеральной Ассамблеи, касался способности Организации заявлять международные требования (англ. *capacity to bring an international claim*); Суд связал ответ на этот вопрос с признанием за ООН международной правосубъектности (англ. *international personality*)³⁵; последнюю же Суд обосновывал через полномочия ООН, закрепленные в Уставе, т.е. через те же права и обязанности, только встроенные в логику властной вертикали: «Организация является субъектом международного права [*international person*]... способным обладать международными правами и обязанностями... способностью отстаивать свои права через заявление международных требований»³⁶.

В свое время С. Н. Братусь отмечал, что «в известном смысле термин “правосубъектность” не является обозначением нового понятия, отличного от понятия “субъекта права” (поменялись местами лишь слагаемые этих терминов — “право” и “субъект”)»³⁷. Однако такой *центризм* прав и обязанностей и их тавтологичность оказались полезными в качестве политического инструмента для выстраивания границ и иерархий между участниками международно-правовой жизни: можно быть бенефициаром абстрактных преференций, дарованных соглашением государств, но при этом оставаться лишенным позитивной субъектности и обуславливаемого ее наличием доступа к правовым средствам защиты³⁸. В результате позитивное международное право рождает парадоксальные ситуации, когда Суд признает грубое нарушение Германией Третьего рейха прав жертв Холокоста, но ограничивается сожалением, фиксируя отсутствие эффективного индивидуального международно-правового средства защиты таких прав³⁹.

6. Заключение

Теорию производной субъектности отличают следующие характеристики. Во-первых, этот подход — линейное продолжение и хронологически и идейно международно-правового этатизма, своеобразная адаптация последнего, представляющая собой попытку убежденных сторонников государственности отстоять свои ценности и приспособить теорию к существенно и стремительно изменившимся в первой половине XX в. социально-политическим и культурно-идейным условиям.

Во-вторых, теория производной субъектности, став компромиссом между человекоориентированными подходами в международном праве и убежденными этатистами, получила не просто широкое распространение и поддержку в академических кругах, а как прокси классического этатизма оказалась мейнстримом,

³⁵ Savigny F. K. von. Op. cit. P. 7—8.

³⁶ Savigny F. K. von. Op. cit. P. 9.

³⁷ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. С. 6.

³⁸ Peters A. Op. cit. P. 44—50.

³⁹ ICJ. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece intervening). Judgment of 3 February 2012. § 93.

выйдя за рамки интеллектуального течения и став, по сути, методологией. Подход основан на примате субъектного в международно-правовом смысле государства, по воле которого субъектами международного права могут быть всякие/всякое, явленный/явленное международной жизнью или ее потребностями: доминирующие позиции государства сохранены.

Эта теория оказалась удобным и методологически безопасным ходом для тех, кто не решается бросить вызов этатистским устоям классического международного права, но в то же время заинтересован, подчиняясь осязаемым реалиям жизни, в расширении круга международно-правовых субъектов.

В-третьих, рассматриваемый подход остается не только доминирующим в доктрине, но и в общем безраздельно распространен на практике: приметы теории, ее методологические установки узнаются каждый раз, когда основания «прав и обязанностей по международному праву» ищут в самом международном праве, его источниках.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Арановский К. В., Князев С. Д.* Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. — М. : Норма, 2016. — 208 с.
2. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелевой, А. Д. Колавевой, Ю. Б. Мишкене, Л. А. Седова. — М. : ЦентрКом, 1996. — 672 с.
3. *Батлер Д.* Гендерное беспокойство. Подрыв идентичности / пер. с англ. К. Саркисова. — М. : V-A-C Press, 2022. — 272 с.
4. *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. — М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. — 368 с.
5. *Волков В.* Государства, или Цена порядка. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. — 160 с.
6. *Дмитриев М.* «Русский народ» или «люди Божии»? Об особенностях протонациональных дискурсов в культуре Московской Руси // *Polystoria*. Бог, Рим, народ в средневековой Европе / отв. ред. М. Бойцов, О. Воскобойников. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. — С. 256—305.
7. Курс международного права : в 7 т. — М. : Наука, 1989. — Т. 1 : Понятие, предмет и система международного права / отв. ред. Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин. — 360 с.
8. *Ницше Ф.* К генеалогии морали // *Сочинения* : в 2 т. / под ред. К. Свасьяна. — М. : Мысль, 1990. — Т. 2. — 829 с.
9. *Раз Дж.* Авторитет права. Эссе о праве и морали / пер. с англ. И. Дягилевой. — М. : Издательство Института Гайдара, 2021. — 552 с.
10. *Фуко М.* Порядок дискурса // *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет* / пер. с фр. — М. : Касталь, 1996. — 448 с.
11. *Черниченко С. В.* Допуск индивида в международные суды и международная правосубъектность // *Советский ежегодник международного права*. — 1968. — М. : Наука, 1969. — С. 271—279.

12. *Berman N.* Modernism, nationalism, and the rhetoric of reconstruction // *Yale Journal of Law & the Humanities*. — 1992. — Vol. 4, Is. 2. — P. 351—380.
13. *Brownlie I.* *Principles of Public International Law*. — 6th edition. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — 742 p.
14. *Cassese A.* States: Rise and Decline of the Primary Subjects of the International Community // *The Oxford Handbook of the History of International Law* / ed. by D. Fassbender, A. Peters. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — P. 50—69.
15. *Cavaglieri A.* Règles Générales du Droit de la Paix // *Recueil des Cours de l'Académie de Droit International*. — 1929. — Vol. 26. — P. 315—585.
16. *Daillier P., Pellet A.* *Droit International*. — 5th ed. — Paris : Librairie Générale de Droit et de Jurisprudence, 1994.
17. *Grewe W. G.* *The Epochs of International Law*. — Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2000. — 780 p.
18. *Kennedy D.* International Law and the Nineteenth Century: History of an Illusion // *Nordic Journal of International Law*. — 1996. — No. 65. — P. 385—420.
19. *Klabbers J.* The Concept of Legal Personality // *Jus Gentium*. — 2005. — Vol. 11. — P. 35—66.
20. *Kolb R.* Une observation sur la détermination de la subjectivité internationale // *Zeitschrift für öffentliches Recht*. — 1997. — No. 52. — P. 115—125.
21. *Koskenniemi M.* From Apology to Utopia: the Structure of International Legal Argument. Reissue with a new Epilogue. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005. — 683 p.
22. *Koskenniemi M.* To the Uttermost Parts of the Earth: Legal Imagination and International Power, 1300—1870. — Cambridge : Cambridge University Press, 2021. — 1107 p.
23. *Kurki V. A. J.* Why Things Can Hold Rights: Reconceptualizing the Legal Person // *Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn* / ed. by A. Kurki, T. Pietrzykowski. — Springer, 2017. — 158 p.
24. *Nijman J. E.* The Concept of International Legal Personality: an Inquiry into the History and Theory of International Law. — The Hague : TMC — Asser Press, 2004. — 494 p.
25. *Orford A.* A jurisprudence of the limit // *International Law and Its Others*. — Cambridge : Cambridge University Press, 2006. — 420 p.
26. *Palombella G.* «Formats» of Law and Their Intertwining // *The Challenge of Interlegality* / ed. by J. Klabbers, G. Palombella. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — P. 23—41.
27. *Parlett K.* The Individual in the International Legal System: Continuity and Change in International Law. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011. — 462 p.
28. *Peters A.* Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — 602 p.
29. *Portmann R.* Legal Personality in International Law. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010. — 362 p.
30. *Puchta G. F.* *Outlines of Jurisprudence as the Science of Right* // *Outlines of the Science of Jurisprudence: An Introduction to the Systematic Study of Law* / ed. by W. Hastie. — Edinburgh : T. & T. Clark, 1887. — 348 p.

31. *Savigny F. K. von*. Traité de droit romain / tr. Par M. Ch. Guenoux. — Tom I. — Paris : F. Didot Frères, 1840. — 532 p.
32. *Schwarzenberger G.* A Manual of International Law. — London : Stevens & Sons, 1947. — 428 p.
33. *Siedentop L.* Inventing the Individual. The Origins of Western Liberalism. — Cambridge ; Massachusetts : The Belknap Press of Harvard University Press, 2014. — 434 p.
34. *Strupp K.* Grundzüge des positiven Völkerrechts. — Bonn : Ludwig Röhrscheid, 1928. — 343 p.
35. *Vattel E. de.* Le Droit des Gens, ou Principes de la Loi Naturelle, appliqués à la Conduite aux Affaires des Nations et des Souverains / ed. by J. B. Scott. — Washington : The Carnegie Institute of Washington, 1916.

